

Читайте в серии:

Дженнифер Адам

Юлка и Дикая охота

Даниэль Колуззи

Меня зовут Персефона

Лора Даргелос

Забывшие из Астролун

Лора Даргелос

ЗАБЫТЫЕ
из Астролуны

МОСКВА
2026

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
Д72

Laure Dargelos
LES OUBLIÉS D'ASTRELUNE
Les Oubliés d'Astrelune © Explora, 2022
Published by arrangement with Lester Literary Agency
& Associates

Иллюстрация на обложке *ER_KEYD*

Разработка серийного дизайна *Анастасии Грищенко*

Драгелос, Лора.
Д72 Забытые из Астролуны / Лора Драгелос ; [перевод с французского С. Исхаковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (По ту сторону зеркала. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-191748-7

Представьте мегаполис, где рядом с дирижаблями летают ковры-самолёты, люди ходят по улицам в пижамах, а инженеры могут по щелчку пальцев вызвать дождь.

Именно в таком странном городе живёт Холи Найтингейл — простая сотрудница Национального музея, чья жизнь переворачивается с ног на голову, когда пропадает её младшая сестра Клара. Но всё становится ещё страннее, когда девушка обнаруживает, что Клару никто не помнит...

Холи предстоит распутать паутину лжи, которая оказывается больше, чем она могла себе представить. Кто стоит за таинственными исчезновениями? И как они связаны с основанием города?

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-191748-7

© Исхакова С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Жемчужина Астролуны

Один из посетителей зевнул, и, будто подхватив заразную болезнь, вскоре полдюжины присутствующих последовали его примеру. На витрине не было ничего интересного: лишь покрытый паутиной спичечный коробок и шнурок от ботинка.

Холли Найтингейл привыкла к равнодушию посетителей с тех пор, как начала работать экскурсоводом. День за днём она наблюдала, как целые группы впадали в состояние летаргии, воспринимая звуки её голоса словно отдалённый фон. «Группа» — весьма громкое слово для описания нескольких смельчаков, отважившихся переступить порог Национального музея. Журналисты некогда окрестили его «Жемчужиной Астролуны», но на деле он представлял собой лишь ветхое, замшелое здание, постепенно приходящее в упадок.

— ...где в настоящее время хранятся тринадцать спичек. Согласно трудам профессора Алуазиуса Робинсона, эти спички, несмотря на пятьдесят

семь попыток их предыдущего владельца, больше не воспламеняются... А сейчас, если вы не против, перейдём к двухцветному носку, чей запах уже давно интригует специалистов. Сюда, пожалуйста.

Дырявый носок под стеклянным куполом вызвал у посетителей не больше энтузиазма, чем спички, хотя в могущественной и независимой Астролуне укротители носков уже несколько десятилетий устраивали забавные танцевальные шоу, которые были особенно популярны среди рабочего класса. Их стоимость была значительно дешевле, чем входной билет в Национальный музей.

Группа нехотя ленивой походкой перешла в соседний зал. Их бутылочно-зелёная униформа говорила о том, что это студенты, будущие абитуриенты, которые пришли проверить Холли на прочность. Они должны были обойти все семь этажей музея и постараться при этом не уснуть. В случае успеха абитуриенты могли претендовать на вступительный экзамен в академию — нудное испытание с сотней мудрёных вопросов. По слухам, половина кандидатов отсеивалась на первой странице теста.

После двухчасового хождения по музейным лабиринтам результат не радовал: Холли видела перед собой толпу равнодушных сомнабул, слушавших её так, словно она зачитывала им скучный научный справочник.

— Желаю приятного дня! — попрощалась с ними девушка.

Никто не ответил. Одуревшие от скуки студенты не могли поверить, что экскурсия подошла к концу. Стоя посреди зала, они тупо моргали и не двигались с места.

Вздыхнув, девушка оставила ребят перед главным входом. В их реакции не было ничего удивительного. Внимательные слушатели — редкость. Во всей Астролуне она, пожалуй, была единственной, кто по-настоящему интересовался музеем. Ребёнком она приходила сюда каждый день после школы и уже тогда выучила наизусть все таблички с описанием экспонатов. Ничто не доставляло ей такого восторга, как любование предметами прошлого: ржавой ложкой, засохшим обмылком, оправой очков без стёкол, исписанным до размеров напёрстка старым карандашом, тарелкой с окаменевшими остатками супа, истлевшим носовым платком, дверной ручкой и даже ночным горшком.

Эти реликвии принадлежали «Миру-который-может-был-а-может-и-нет» — эпохе далёкой и почти забытой. Гости музея воспринимали его как шутку, которая забавляла любопытных первые несколько минут, прежде чем погрузить в дремоту. Сама Холли верила во все рассказываемые истории и была убеждена, что раньше, несколько веков назад, существовала иная реальность. Её современники видели лишь «штуковины» и «старьё», но девушка чувствовала, что перед ними лежат бесценные сокровища. Пусть эти изношенные

предметы обыденны и просты, но они являлись свидетелями прошлого, покрытого таинственной завесой времени.

— Итак, мисс Найтингейл, сколько человек сегодня? — поинтересовался седовласый горбатый старичок, опираясь на трость.

— Около десяти, — ответила Холли, слабо улыбнувшись.

Это был директор музея, мистер Оруэлл Льюис. Казалось, будто он только что проснулся. Его лохматые волосы напоминали по форме цветную капусту — вышедшая из моды причёска, давным-давно пережившая свои несколько звёздных минут. Образ дополняла серая атласная пижама. В Астролуне подобная одежда не считалась чем-то экстравагантным: здесь можно было увидеть людей, разгуливающих с галстуками на поясе и даже с домашними тапками на голове.

— Очень хорошо, на десять больше, чем вчера!

Мистер Льюис никогда не терял самообладания. На его месте любой давно запаниковал бы и объявил о скором закрытии музея. Несмотря на стремительное падение доходов, директор продолжал брать лишь два дублона за билет — ни больше, ни меньше — и содержал штат, который иной раз превышал число посетителей за неделю.

— Очень хорошо, очень хорошо, — повторил он, сунув руки в карманы пижамы. — В любом случае мы получим субсидии. Мы всегда получаем субсидии...

«Субсидия» было любимым словом мистера Льюиса, боевым кличем, завершавшим каждую его фразу, когда Холли пыталась открыть ему глаза на низкую посещаемость музея. Слабой поддержки властей никогда не хватало для покрытия долгов, а они продолжали расти. Так, в прошлом году пришлось ремонтировать крышу и заделывать трещины. Каждый сезон требовал новых финансов, и день за днём Холли наблюдала, как её горячо любимый музей постепенно дряхлел.

Звучный гонг огромных настенных часов на первом этаже объявил о закрытии. Холли задумчиво направилась к гардеробу. Треснувшее зеркало отразило её облик: бледная особа на высоких каблуках в удушающих объятиях корсета. Несмотря на юный возраст и платье нежного, бледно-зеленого цвета, а также шёлковую ленточку в каштановой косе, от девушки исходила странная аура сдержанности, строгости и грусти. Словно *Мир-который-может-был-а-может-и-нет* забрал часть её души и покрыл пылью, совсем как её любимые, дремавшие за витринами экспонаты.

Закутавшись в длинное тёмное пальто, Холли покинула здание Национального музея. Снаружи оно казалось ещё более кривым и неустойчивым, будто семь этажей вместе с окнами сложили друг на друга, как складывают разнородные коржи фигурного торта. Ходили слухи о том, что каменное строение было делом рук косоглазого архитектора.

Бульвар де Сандр, как всегда, гудел от рокота транспорта. Фиакры¹ следовали друг за другом нескончаемым потоком. Кучера покрикивали друг на друга, успевая осыпать оскорблениями водителя ковра-самолёта, скользящего между полосами движения.

— Эй ты! Права купил, что ли?! Полоса для ковров справа! — рычал один из них. — Сиди дома, раз не умеешь водить!

Плотная толпа заполнила тротуары. Холли оказалась среди бродячих торговцев, которые энергично навязывали свои товары — от пуговиц с пятнадцатью отверстиями до подвесок в форме табуретов. Девушка поспешила свернуть в переулок. Оттуда, наполовину погруженные в полумрак, угадывались очертания многометрового помоста Машины времени. Утром и вечером инженеры орудовали джойстиком, переключая день и ночь, управляя дождём и хорошей погодой, и, по мнению некоторых журналистов, морочили людям головы, вызывая снег посреди лета.

Быстрым шагом Холли миновала мясную лавку, где продавали вырезку додо, ускорила перед таверной с завсегдаемыми-пьянчужками и нырнула в тупик Шаривари. В доме номер одиннадцать, здании, оранжевый фасад которого напоминал большую тыкву, находился пансион миссис Бредфорд.

¹ Наёмный четырёхместный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси до изобретения автомобиля.

Холли скользнула под вывеской, которая одновременно приветствовала посетителей и грозила им серьёзной шишкой на лбу, если они забудут пригнуться, и вошла внутрь.

Миссис Бредфорд, как обычно, стояла на посту у лестницы. Морщинистая кожа делала её похожей на бульдога, натянувшего на себя платье в горошек и парик с проседью. Рядом с ней сидела Шупетта — миниатюрная драконша, которую подкрасили в конфетно-розовый цвет, чтобы смягчить хмурую мордашку.

— Мисс Найтингейл! — рявкнула хозяйка. — Вот уже почти час, как ваша сестра играет на пианино. Эта мелодия совершенно невыносима, требую прекратить брэнчание! И раз уж вы здесь, напоминаю, что оплата за квартиру должна быть в конце недели.

— Да, миссис Бредфорд, — рассеянно отозвалась Холли.

Девушка осторожно обошла Шупетту и поспешила в квартиру. До неё доносились слабые звуки пианино. Это была весёлая музыка, полная жизни, а потому вызывающая раздражение миссис Бредфорд.

Когда Холли открыла дверь, её встретил взрыв хохота.

— Ну что, старая ведьма снова жалуется?

Клара с воодушевлением нажала на перламутровые клавиши так, что стены комнаты задрожали.

— Не стоит провоцировать её, — мягко возразила Холли.

— Может быть. У этой мегеры больные ноги, так что, пока она доберётся по лестнице до нашей двери, я успею поиграть... Расскажи, как прошёл твой день, — весело добавила Клара, продолжая музицировать.

— Сегодня приходила группа студентов. Один из них, увидев самый ценный экспонат музея — порванную коробку конфет, чуть не уснул.

— Бедный мальчик, ему ни за что не выжить в университете!

Сёстры Найтингейл с детства интересовались разными вещами. Для Клары, которая была на два года младше Холли, важна была только музыка. Однако внешне они очень походили друг на друга: каштановые волосы, веснушки и лазурно-небесный взгляд. Однако в плане характера Клара была полной противоположностью Холли: улыбчивая от природы, преисполненная энергией, она излучала радость жизни. Младшая сестра одним своим присутствием скрашивала ненастный день.

— А ты? — поинтересовалась Холли. — Есть новости в агентстве путешествий?

— Нет, всё та же скука. И я всё печатаю и печатаю на этой чёртовой пишущей машинке... Единственное, что произошло примечательного за день, — внезапное отключение дориума. Наша вывеска, ну ты знаешь, та, что бросается в глаза: «Откройте для себя мир с высоты дирижабля!» — начала

как-то странно потрескивать, а после всё здание погрузилось в темноту. Пришлось ждать целый час, пока алхириум соблаговолил притащиться, чтобы разобраться с проблемой.

Высунувшись из окна, Холли любовалась крышами города и далёкими аэростатами на горизонте.

Полвека назад Гильдия Алхимиков в Бретелле, пытаясь превратить свинец в золото, совершила удивительное открытие. По величайшему стечению обстоятельств почтенные учёные, вскоре переименовавшие себя в «алхириумов», разработали невиданную форму энергии, на которой теперь держалась Астролуна, — дориум.

Он был способен приводить в движение ковры-самолёты, освещать улицы и поддерживать работу заводов, извергавших гигантские облака пара. Через несколько лет после открытия его применение получило широчайшее распространение. На каждом шагу крупные фирмы использовали его, в том числе злоупотребляя, для рекламы своей продукции: фруктовой водки, зубного порошка, мыла... Дориум принимал любые формы, угождал любому желанию, а его использование казалось чудодейственным.

Когда один пытливый журналист попытался доказать лживость рекламных трюков («*От дориумных ванн вы не станете на десять лет моложе!*»), власти тут же запретили его ежедневную газету «*Говорю вам только правду*», ссылаясь на некий расплывчатый закон...

— В любом случае через месяц-другой вывеска вновь займёт своё место, — вздохнула Клара, продолжая порхать пальцами над клавишами. — Сколько бы власти ни расхваливали достоинства дориума, эти штуки всё больше оказываются несостоятельными... Но, как говорит мой босс, что бы ни произошло завтра, мы рады хотя бы тому, что сегодняшний день подошёл к концу.

«Да, завтра будет новый день, — подумала Холли, — и если повезёт, то какой-нибудь любопытный отважится заглянуть в Национальный музей».

2019 год, в другой реальности...

Сью скучала. Надев наушники, она отсутствующим взглядом обвела пассажиров поезда. Мужчину, спрятавшегося за газетой. Группу парней в толстовках, громко обсуждающих только что вышедший на экраны блокбастер. Пожилую женщину, вздыхающую с соседкой о «старых добрых временах»...

На несколько часов английский пейзаж за окном потерял для неё свою привлекательность. Ни сельская местность с бескрайними просторами, ни одинокие деревья, ветви которых словно пронзали небо, ни деревушки с серыми домами девочку не интересовали.

Этот учебный год показался ей невероятно длинным. Дни медленно тянулись друг за другом, и, сидя на уроках, она могла бы поклясться, что

стрелки её часов двигались в обратном направлении. После бесконечного ожидания лета и сотен зачёркнутых дней в календаре она радовалась возможности наконец насладиться каникулами.

Мама проводила её до вокзала, снабдив длинным списком рекомендаций, которые начинались словами «не докучай бабушке Фрине» и заканчивались «оставь бабушку Фрину в покое». Наскоро чмокнув девочку в щёку и бросив что-то вроде «Веселись!» и «Будь аккуратнее», мать оставила дочь одну на перроне с тяжёлым чемоданом в руках. Сью надеялась увидеть эту элегантную женщину в модном костюме не раньше сентября.

В свои тридцать два мисс Эшвуд продолжала покорять мужские сердца. Последним в её коллекции стал адвокат по предпринимательскому праву. Он, как поняла Сью, обещал матери летнее путешествие на другой конец света.

А девочка была не против — она с самого детства любила их родовое поместье. Старинный особняк зачаровывал, наполнял воображение таинственными историями. Именно там, в каменных стенах, наполненных запахом старых книг и пожелтевших страниц, вокруг полок, прогнувшихся под тяжестью томов, Сью открыла для себя радость чтения. Мать не разделяла её увлечения, отдавая предпочтения светским раутам, роскошным нарядам и щедрым богатым мужчинам, готовым осыпать её украшениями. Дочь, напротив,

